

Содержание

5	От переводчика
7	Asonit papel
23	Бойлерная
29	Похоронный проект
36	Фиаско
40	Тренер
49	Три грации
54	Торчок-художник
58	Счастливчик Ханс
62	Gracias por todo
66	Священный час
70	Хаймо Гланц
85	Кошачье озеро
88	Любовь к искусству
92	Любезности
98	Бессонная ночь
100	Протокол об одной супружеской паре
103	Лёрах
108	Реетобель
110	Дохлая рыба
122	Grainspotting
127	Черепашка

От переводчика

В силу своей профессии юрист постоянно имеет дело с конфликтным, драматичным и даже трагичным жизненным материалом. Этот материал во многом вообще невербализуем, но его приходится переводить на условный и абстрактный язык нормативных актов, протоколов, экспертных заключений, судебных речей и приговоров, которым изъясняется право.

Между жизненным материалом и языком права возникает пропасть, мостом через который служит личность самого юриста. При этом закон, с одной стороны, предоставляет юристу право неразглашения профессиональной тайны, защищая его от давления конфликтующих сторон, а с другой стороны, закон требует от него неразглашения профессиональной тайны, защищая состоятельность конфликтующих сторон.

Юрист оказывается в роли брадобрея царя Мидаса, которого тяготит тайна и которому хочется высказать ее хотя бы вырытой ямке. Но умный юрист, зная легенду, сам делает дудочку из выросшей тростинки и переиначивает свою песенку так, чтобы никто не смог упрекнуть его в разглашении тайны.

Не потому ли юристы, врачи, священники и шпионы, связанные обетом молчания, так часто становятся писателями и поэтами? Не буду приводить примеры, их список бесконечен. Достаточно заглянуть в Википедию.

К числу писателей-юристов относится и Ханс Баумгартен, который раньше работал судьей, гражданским и военным прокурором, а сейчас является известным цюрихским адвокатом, а также издателем и автором коротких рассказов, написанных от лица коллеги – Мельхиора Верденберга (это творческий псевдоним автора).

В России опубликованы два сборника его рассказов: «Смертельный случай» и «Ночные тени». Перед вами третий сборник Мельхиора Верденберга – «Мнимые миры».

Aconit napel

*Бойся злого
Лютика голубого*

С XIII века алеманы начали переселяться из горного Валлиса в новые для них альпийские регионы. Они двигались от Пьемонта к Южному Тиролю или Форальбергу, селились в высокогорье Граубюндена. Их способ ведения хозяйства позволял им лучше приспособиться к суровым природным условиям, чем это умели делать местные жители.

В XV веке отступление ледников открыло переход от Цермата к франкоязычному Валь д'Эренсу. Через этот горный перевал пришли немецкоязычные валисийцы, но столкнулись здесь с конкуренцией, в результате которой они ассимилировались с местным населением, говорившим на своем диалекте. И даже фамилии у них изменились на французский лад.

Рано утром Мельхиор сел в Съене на первый автобус до Гранд-Диксенса. Шоферу предстояло двадцать семь километров по узкой и извилистой горной дороге. От высотной плотины Мельхиор собирался пройти вдоль водохранилища, потом через перевал

до Аролы. Это место пока оставалось белым пятном на его личной карте туристических маршрутов. Ему хотелось пешком добраться туда, где, по рассказам матери, на протяжении четырех веков жили его предки. Но теперь никого из родни там не встретишь. На семье лежало проклятие, давний грех двоемужества требовал искупления.

Йозеф и Мария были знакомы с детства, они любили друг друга, состоялась помолвка, и их ожидало счастливое будущее. Много поколений назад их предки, выходцы из Цермата, обосновались в Ароле. Поочередно им принадлежала должность старосты местной общины. В 1896 году деревушка, расположенная на далекой окраине долины Валь д'Эренса на высоте две тысячи метров у подножия величественной горы Мон-Каллон, обзавелась гранд-отелем. Горный курорт в Швейцарских Альпах открыли для себя сначала англичане, потом французы. Горная Швейцария пережила первый туристический бум. Четырехэтажный гранд-отель, официально именовавшийся курхаузом, был сложен из тесаного камня. Его балки из лиственницы отливали цветом темного коньяка, в холле на английский манер доминировал камин. Благодаря хвалебным газетным статьям молва об отеле вышла далеко за пределы округи. Арола приобрела международную известность, изрядный приток туристов не прекращался ни летом, ни зимой. Но хозяин отеля, местный бобыль, заработавший деньги на торговле скотом, разругался с родственниками, которые претендовали на свою долю от богатства

своего дядюшки. Даже сьенский епископ пытался уладить дело миром, однако безуспешно. Ссора дошла до того, что владелец отеля в конце концов запретил туда доступ родственникам. Более того, он пригрозил им лишением наследства. Когда после семи библейских тучных лет он сильно захворал, то обратил внимание на Марию, которая работала у него на ресепшен. Однажды вечером, когда Мария закончила работу, он позвал ее к себе в кабинет. Там он пригласил ее присесть и без обиняков предложил ей выйти за него замуж, пообещав сделать единственной наследницей, не требуя взамен никаких услуг, ибо, дескать, жить ему осталось совсем недолго.

Той ночью Мария ушла из отеля поздно, хотя кто-либо в деревне мог заметить ее. Дойдя до деревни, она по задней лестнице забралась на чердак дома, где ночевал Йозеф, чтобы все рассказать ему. Они проговорили несколько часов. Они давно любили друг друга, и брак был для них нерушимой святыней. Однако приманка была выложена, и искушение росло изо дня в день. Слишком велик был соблазн богатства, слишком тяжела повседневная нужда, слишком малы шансы добиться благосостояния своими силами. После нескольких недель борьбы с искушением влюбленные поклялись вечно хранить верность друг другу, но все-таки решили, что Мария должна принять сделанное ей предложение. Свадьба старого владельца отеля со своей купленной невестой состоялась весной 1903 года. Многие из деревни не пришли на свадьбу. Не только родственники, которые догады-

вались, кому теперь достанется желанное наследство. Владелец отеля оказал молодой супруге любезность тем, что умер той же осенью. Спустя несколько дней из Сьена приехал нотариус, чтобы формально объявить Марию единственной наследницей.

Йозеф и Мария с нетерпением ждали, когда закончится годичный траур, – им казалось, что время тянется бесконечно долго. Они не хотели больше ждать. Но тут начались беды. Священник отказался венчать Йозефа с Марией. Пришлось ехать в Сьен, где они получили благословение от одного монаха. В Ароле и по всей долине люди перешептывались за спинами этой парочки, где бы она ни появилась. Священник не допускал их к причастию. Вскоре сгорела пристройка отеля, поджигатель остался неизвестен. Затем у Марии случился выкидыш. Мальчик, которого по имени бывшего владельца отеля хотели назвать Петром, должен был стать продолжателем рода. Спустя год Мария родила рыжую девочку с синими глазами. В деревне поговаривали, будто во время родов ведьма, стоявшая перед родильным домом, скрестила свои скрюченные пальцы. Еще через год родилась черноволосая и темноглазая девочка, которую называли в честь матери Марией.

Рождению второй дочери Йозеф уже не мог порадоваться. Впав в черную меланхолию, он не сообщал, что творится вокруг, и потерял способность помогать жене в повседневных делах. Врач не мог объяснить причину недуга, телесного или душевного. Вероятно, сочетание обоих факторов, лекарства тут

бессильны. В деревне и по всей долине судачили об истинной причине болезни. Дескать, Йозеф с Марией нарушили святость брака, а Бог этого не прощает.

Мария держалась стойко. Оно изо всех сил старалась справляться с гостиничным хозяйством и быть хорошей матерью для обеих дочерей. Деревенские жители сторонились всех троих. Да и остальной мир ополчился против них. С началом мировой войны ослабел приток туристов. Жители деревни косились на Марию. Им казалось, что нельзя быть одновременно хозяйкой отеля и хорошей матерью. Мария никогда не задавалась таким вопросом, у нее просто не было выбора. А тут еще рыженькая дочка бросилась с моста в горную речку. Могила таким не полагается, поэтому она предпочла, чтобы ее унесло течением. А черноволосая дочь выросла красавицей, но с мужчинами знаться не хотела. Решила остаться незамужней. После потери отеля она переехала с постаревшей матерью в Цермат, хотя обе знали, что здесь никто не понимает наречие их родных мест. В Ароле исчезли следы пребывания этого семейства. Священник убрал с кладбища оба деревянных креста – крест Йозефа и его мертворожденного сына. Отель отошел съенскому банку, который через день после объявления войны Францем-Иосифом Первым 29 июля 1914 года отказал Марии в кредите.

Мельхиор продолжал шагать к своей цели – Ароле. Мысли его все еще были заняты Йозефом и Марией. На него начали действовать солнце и нехватка

кислорода. Ему подумалось о другой Марии, о младенце, который лежал в хлеву на соломе, пришедшем в мир, чтобы изменить его. Только лучше не думать о том, что из этого получилось. «Лучше остаться ослом-безбожником, каковым я и являюсь», – решил он, продолжая шагать вдоль водохранилища. Послышался посвист сурка, Мельхиор оглянулся, но серые зверьки тотчас разбежались по норкам. Им почти нечего бояться, кроме орла. А людям кого бояться? Разве местные жители-горцы не считают, что Богу нет дела до глетчеров, которые с каждым годом все больше тают, уменьшаются, исчезают? Мысли Мельхиора путались, ходьба не помогала.

Его испугал грохот, похожий на раскат грома. Гора на другой стороне долины дрогнула. Первые камни посыпались по почти отвесной стене, поползла целая каменная плита и погрузилась в молочно-сероватую воду глетчера. Сначала Мельхиор почувствовал движение воздуха. Затем появилась многометровой высоты волна, которая образовалась вокруг оползня, от этого места пошли концентрические полукруги. Из-за засухи уровень воды опустился метров на тридцать ниже нормы, однако брызги долетели до Мельхиора и горной дороги. Силы разбушевавшейся стихии были так велики, что дорога в нескольких местах обрушилась.

Мельхиору повезло – он уцелел. «Если бы проклятие, лежащее на нашем роде, было бы сильнее, меня утянуло бы в эту глетчерную муть...» – подумал он. Он тут же отогнал от себя эту мысль, не веря, что

обвал в горах может иметь какое-то отношение к его родне. Виноват зной, разрушающий землю. Но разве человек не несет тоже ответственность за ее разрушение? Можно ли вообще говорить о чисто природных явлениях?

Упрямство имеет двойкие последствия – губительные или спасительные. Мельхиор не отказался от поставленной цели. Он решил продолжить свой путь к Ароле. Зной усилился, камни раскалились, на высоте двух тысяч пятисот метров температура поднялась до тридцати градусов. Он подумал о путниках в пустыне Аризоны, заплутавших и умерших от жажды. Наступит ли когда-нибудь в горах такая же сушь? Синие пятна на горных вершинах показывали, где глетчеры кровоточат особенно сильно.

Преодолев трудную осыпь, Мельхиор добрался до прикрепленной к скале железной лестницы, по которой туристы поднимались на Козий перевал. Пришлось подождать, пока по ней спустится группа туристов, среди которых находились легко одетые девушки. Если на публичных пляжах максимальное самообнажение вышло из моды, то в горах оно, похоже, возродилось. Мельхиор с сочувствием поглядывал на девушек, рискующих обгореть под горным солнцем. Когда же юная красавица в мини-юбке начала спускаться по лестнице прямо у него над головой, он отвернулся к кровоточащим глетчерам и зияющим безднам, алчно ожидавшим его падения, от их вида подступила легкая дурнота. Наконец португалка, подгоняемая своим приятелем, закончила спуск. Мель-

хиор, цепляясь за поручни, карабкался со ступеньки на ступеньку, гоня от себя мысли о голых ножках и возможном падении. Неожиданно железные поручни задрожали в его руках. Первый камень, пролетев мимо, ударился о землю в сотне метров ниже. За ним полетели другие. «Крепче держись за поручни», – мелькнуло у него в голове. Втянув ее в плечи, он судорожно обхватил поручни.

Вершина скалы звалась Головой. Таких «голов» здесь множество. Эта Голова, видно, не выдержала зноя. А может, ее возмутило присутствие такого количества голых тел. Голова разлетелась на сотню обломков. Мельхиор уцелел лишь благодаря выступу над лестницей, который прикрыл его своим козырьком. Симпатичная португалка и другие туристы тоже не пострадали, так как, спустившись, сразу повернули на дорогу, идущую к водохранилищу.

Наконец Мельхиор поднялся наверх. Самое время подумать о смысле жизни. В двенадцать лет он впервые задался этим вопросом, но загадка так и осталась без ответа. Впрочем, у гор своя философия, недоступная людям. В горах людям кажется, будто они думают, а на самом деле они лишь страдают от кислородного голодания, что почувствовал на себе и Мельхиор.

Цунами на водохранилище, камнепад на Козьем перевале, португалка на железной лестнице... Мельхиору было трудно привести свои мысли в порядок. Теперь перед ним стояла одна цель – поскорее добраться до Аролы. У него кончилась вода. Справа проступил синий лед. В некоторых местах глетчер

надломился. Защитный снежный покров растаял, вечная, подлинная стихия жизни лежала теперь беззащитной под палящим солнцем. Мельхиор поспешил в долину. Он бежал от скал, чей покой был нарушен, и от тающего льда.

Спускался Мельхиор целый час. По мере спуска долина становилась шире, слева появились черные коровы – гордость и краса долины; Мельхиор успокоился. Он достиг опушки леса, подлесник делался постепенно все гуще. Аролы пока не видно, но она там, внизу, за деревьями. Оступившись, он подвернул ногу. Пока боль утихала, он огляделся. Глетчер горы Мон-Колон потемнел. Предвосхищая сумерки, он выглядел враждебно. В горах нельзя сдаваться, иначе гибель. Глупость тоже гибельна. Мельхиор уже давно слышал журчание воды, которая под камнями искала свой путь в сторону моря.

Взгляд, осматривающий всю ширину долины, раньше покрытой глетчером, а теперь превратившейся в луг с низкорослым кустарником, остановился на серне, которая изящной прытью удалялась от Мельхиора. Серна, это нежное существо, всегда казалась ему символом счастья, благополучия и новой дружбы. С этой мыслью он пошел по ее следу. В ложбинке обнаружилась вода. Здесь образовалось озерцо, всего несколько квадратных метров. Мельхиор подошел к нему, открыл флагу. Он хотел окунуть ее в воду, но заметил альпийского тритона. Тот, виляя хвостом, двигался на своих четырех лапках к воде. Сделав глоток-другой, он неожиданно перевернулся на спину. Его огненно-ры-

жее брюшко означало, что тритон мертв. «Жалость к амфибии? Не слишком ли я чувствителен?» – подумал Мельхиор. Но легкость, с которой он отмахнулся от всякого сочувствия к маленькому тритону, еще отомстит за себя. Он понимал, что нерешенные вопросы вновь вернутся к нему в бессонные ночи донимать и мучить его.

И все-таки тритон не давал Мельхиору покоя. Через сотню шагов он повернул назад. Мертвый тритон лежал у кромки воды, застывший, словно щепочка. Никого не интересовала его судьба. Лишь теперь, внимательно присмотревшись, Мельхиор заметил у истока ручья, впадающего в озерцо, вырванный кем-то пучок растений с цветами и корешками. Перчатками, в которых шел Мельхиор, чтобы не натереть альпенштоком на ладонях мозолей, он собрал растения, положил их в пластиковый пакет и спрятал в рюкзак. Во всяком случае, Мельхиор теперь понял, почему он отказался от глотка холодной воды из горного озерца.

Об очаровании горных восхождений Мельхиор услышал от одного альпиниста на деловой встрече с элементами развлечений. Любитель экстремальных видов спорта рассказал об эйфории, которая растет при восхождениях с каждым шагом вверх. Это краткий миг облегчения, которое переживается при очередной смене позиции из-за того, что удалось избавиться от неопределенности, не сорваться и преодолеть смертельный страх. Сам альпинист недавно сорвался при безумно рискованном одиночном восхождении. Даже тот, кто занимается

пешим горным туризмом, но всерьез, а не просто проходит несколько сотен метров, ведет в некотором смысле борьбу за существование, перенося физические страдания и радуясь своей живучести, благодаря выносливости своего организма. Тем самым закаляется дух. Ницше любил бродить по горным склонам в Зильс-Мариа, считая такие прогулки весьма полезными для размышлений. Здесь к нему ему пришло прозрение, что Бог умер и что отрицание этого есть цензура свободной мысли. Все паломники на пути Святого Якова чувствуют в конце маршрута, что их вера окрепла, а вот стояние в очереди к церкви Сантьяго де Компостелла ради мощей неизвестного человека не производит на них столь же просветляющего воздействия.

Мельхиор прошел по жаре уже шесть часов. Хотелось поскорее добраться до цели. Он устал, его мучила жажда, мысль о далеких предках уже давно отодвинулась на задний план. «А тут еще назревает перемена погоды, грозящая ледяным ливнем, который доведет меня до безумия...» – подумал он. Настала фаза лихорадочных фантазий, после которой путник, отупев, продолжает монотонную ходьбу, как автомат, с пустой головой.

Незадолго до заката Мельхиор добрал до курхауза. Гости отеля, одетые по-летнему, наслаждались лучами уходящего солнца и попивали белое вино на лужайке со стриженным газоном, они с любопытством уставились на подошедшего путника в фетровой шляпе и с альпенштоком в руке.

После ужина Мельхиор сидел в просторном холле. Луна за окнами ушла, скрывшись за вершину Мон-Колона. Пролетающие облака отбрасывали тени на альпийскую панораму, наступала тьма. Над аляповатым камином висел написанный маслом, обрамленный позолоченным багетом портрет Петера, основателя и первого владельца курхауза. Показалось? Или на лацкане его пиджака действительно виднелся серебряный значок, эмблема с изображением цветка? Подчеркнуто героический портрет человека, который своим решением лишил наследства родню и обрек на несчастье молодую пару. Мельхиор не любил героику. В своей жизни он никогда не встречал настоящих героев.

К Мельхиору подошел низенький человек в сером жилете с зеленой окантовкой.

– Позвольте подсесть к вам. Вы мой гость, я хозяин отеля.

Его лицо показалось знакомым. Это же Человек в красном капюшоне! В Берне Мельхиор едва не попал из-за него под поезд, затем он потерял этого человека из виду. В платном гараже Мельхиора чуть не взорвали вместе с машиной, среди зевак там находился Человек в красном капюшоне. Позднее дома он играл в карты с детьми, превратился в черную змейку, но Мельхиор выплюнул этот черный клубок. Неужели он всемогущ и способен всюду преследовать его? Кто этот Человек в красном капюшоне? Сама смерть Мельхиора или только его страх собственной смерти?

– Каким был переход через Козий перевал? – спросил хозяин отеля. – Можно ли рекомендовать нашим гостям маршрут к высокогорному водохранилищу?

Мельхиору не понравился голос хозяина не только потому, что он не любил подобное сладкоголосие. Уж не этот ли карлик устроил цунами на водохранилище? Не он ли обрушил вершину горы на Козьем перевале, не он ли отравил воду в горном озерце? Чтобы сменить тему, он задал встречный вопрос:

– Вам известна история с ядом, которая произошла в Праге в 1561 году?*

Человек в красном капюшоне сморщился:

– Почему вы спрашиваете меня об этом?

Но Мельхиор не сдавался:

– Знаете ли вы, что этот отель принадлежал моей семье?

Человек в красном капюшоне насмешливо скривил губы:

– Что было, то прошло. История не концерт по заявкам. Твои предки согрешили и поплатились за это.

Мельхиор молчал. Поразмыслив, он, стараясь сохранить спокойствие, сказал хозяину отеля:

– Я чувствую, вы претендуете на роль хранителя мирового порядка, но я не вижу в нем места для маленьких людей, для меня тоже.

---

* По приказу императора Фердинанда I в эти годы в Праге на заключенных, приговоренных к смертной казни, проводились опыты, чтобы найти противоядие. – *Прим. пер.*

Покачав головой, карлик поднял руки, будто священник:

– Слово сказано всем, и кто слушает Его, тому нечего бояться. Человек, который принял в Праге яд, был убийцей, осужденным на смерть, поэтому это был богоугодный и справедливый приговор.

На коротко подстриженном газоне перед отелем гости танцевали под мягкий рэп. «Может, выйти к ним, присоединиться к этому монотонному ритму?» – подумал Мельхиор. Но его остановила мысль о Божьем суде. Он спросил хозяина, не согласится ли тот отведать чая. Хозяин молчал, а Мельхиор чувствовал, как в нем просыпается охотничий инстинкт изгонителя бесов:

– Речь идет не об обычном чае, а об альпийском напитке, который настоян на травах, несущих жизнь или смерть. Давайте повторим пражский Божий суд: вера против истины. Каков будет ваш выбор? – спросил он Человека в красном капюшоне.

Тот принял вызов и, словно проповедник с амвона, провозгласил:

– Я верую в Бога и его справедливость, которую Он воздаст мне!

Мельхиор слегка растерялся. Однако усмехнулся. Отчаянный по натуре, он решил рискнуть жизнью. Заказал два травяных чая. Потом надел правую перчатку, чтобы не доставать голый рукой те растения, которые обнаружил возле мертвого тритона в воде горного озерца. Покрошил в обе чашки немного корешков, листьев и цветов под названием *Aconit Napel*.

– Вера может сдвинуть горы, говорят жители Альп, особенно в Валлисе. А церковь утверждает, что долг христианина – верить в добро. Если ты действительно веруешь в Бога, то первым отведаешь моего чая. Ведь Бог всемогущ, и ты ничем не рискуешь. Я же знаю, что вера служит злу. Ваш Бог заключил сделку с дьяволом. Он сам и изобрел дьявола, иначе никто не поверил бы в Бога. А за такую веру каждодневно приходится платить. Если, отведав чая, ты с Божьей помощью выживешь, то я ошибался. Тогда я тоже выпью этого чая и умру. Но если умрешь ты, то это будет мстью за мою родню и за страдания всех богобоязненных людей. Пусть тогда и отель достанется мне.

Дрожащей рукой карлик подписал завещание, которое назначало наследником Мельхиора, если таким будет приговор Божьего суда. Его смущали сомнения, когда он подносил к губам чашку, но он не мог и подумать, что Бог выступит против него. Поначалу голубой лютик вызвал чувство эйфории. Однако потом карлик сник. Силы покинули его, он потерял контроль над собой, мышцы его были парализованы. Но пока он еще оставался в сознании. Мельхиор положил карлика на софу возле камина.

Сверху на происходящее смотрел Петер. Потом он отвернулся. Взглянул на свой лацкан, на растение, с помощью которого Мария до срока избавилась от супруга. Никто не услышал, как он откашлялся, после чего почувствовал явное облегчение. Не слушал его и карлик, который ошибся, но не хотел уходить. В своем немощном теле он был пойман, будто в капкане,

и теперь его с распростертыми объятиями поджидал дьявол. Напоследок он увидел усмешку Мельхиора, в которой смешались триумф и сочувствие.

Через полчаса Мельхиор еще раз склонился над карликом, чтобы прикрыть его веки. Никакая вера не способна защитить от яда. Только знание.

Бойлерная*

Миндаль горчил. Он взял еще один орех. Из приемника звучала мелодия «Лили была здесь». Три инструмента соперничали друг с другом: саксофон, ударник и гитара. Эта мелодия сопровождала его в разные моменты жизни. В периоды влюбленности она подстегивала его эротические желания, в плохие времена будила чувство бесконечной жалости к себе. То, что в баре эта мелодия зазвучала именно сейчас, было не случайностью, а статистической закономерностью. Он осмотрелся. Рядом у стойки было пусто, только в самом ее конце двое мужчин тупо пилились в свои пивные бокалы. А за спиной – большое зеркало над баром давало возможность подглядывать – сидела парочка, не обращающая внимание на окружающих. Забудыги и влюбленные, мелодия подходила и тем и другим.

Неплохой способ для самоубийства, *soft suicide*, посредством чрезмерного поедания миндаля, подумал он, глядя в зеркало на свою кривую усмешку. До полицейского часа оставалось немало времени. Он

---

* Так брокеры именуют операционный зал. – *Прим. пер.*